

Оскар
УАЙЛЪД

Портрет Дориана Грея

Annotation

Повесть впервые опубликована в журнале The Court and Society Review в 1887 г. В 1891 г. вошла в отдельно изданный сборник «Преступление лорда Артура Сэвила и другие рассказы».

- [Оскар Уайльд](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
-

Оскар Уайльд

Кентервильское привидение

Правдивая мистическая история

Глава первая

Когда мистер Хайрем Б. Оутис, американский посланник, решил купить Кентервильский замок, все стали его уверять, что он делает ужасную глупость: было достоверно известно, что в замке обитает привидение. Сам лорд Кентервиль, человек донельзя щепетильный, даже когда дело касалось пустяков, не преминул при составлении купчей предупредить об этом мистера Оутиса.

— Мы стараемся приезжать сюда как можно реже, — сказал лорд Кентервиль. — И это с тех самых пор, как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Она переодевалась к обеду, и вдруг ей на плечи опустились две костлявые руки. Не скрою от вас, мистер Оутис, что привидение это являлось и многим ныне здравствующим членам моей семьи. Его видел также наш приходский священник, преподобный Огастус Дэмпиер, член совета Королевского колледжа в Кембридже. После этой неприятности с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи в коридоре и библиотеке.

— Что ж, милорд, — ответил посланник, — я беру привидение вместе с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть все, что можно купить за деньги. К тому же учтите — молодежь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди увозят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме.

— Боюсь, что Кентервильское привидение все-таки существует, — сказал улыбаясь лорд Кентервиль, — хоть оно, видимо, и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импресарио. О его существовании известно уже добрых триста лет, — а если быть точным, с тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года, — и оно неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

— Ну, лорд Кентервиль, домашний врач тоже всегда появляется в подобных случаях. Уверяю вас, сэр, никаких привидений не существует, и законы природы, я полагаю, для всех одни — даже для английской аристократии.

— Вы, американцы, еще так близки к природе! — отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Оутиса. — Что ж, если вас устраивает дом с привидением, то все в порядке. Только не забудьте, я вас предупреждал.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посланник с семьей переехали в Кентервильский замок. Миссис Оутис, которая в свое время — еще под именем мисс Лукреции Р. Тэппен с 53-й Западной улицы — славилась в Нью-Йорке своей красотой, была теперь дамой средних лет, все еще весьма привлекательной, с чудесными глазами и точеным профилем. Многие американки, покидая родину, напускают на себя вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утонченности, но миссис Оутис этим не грешила. Она отличалась прекрасным здоровьем и совершенно фантастическим избытком энергии. Право, ее нелегко было отличить от настоящей англичанки, и ее пример лишний раз подтверждал, что между нами и Америкой удивительно много общего — практически все, кроме, разумеется, языка.

Старший из сыновей, которому родители в порыве патриотизма дали имя Вашингтон, — о чем он никогда не переставал сожалеть, — был светловолосым молодым человеком довольно приятной наружности, готовившимся занять достойное место в американской дипломатии, свидетельством чего был тот факт, что он три сезона подряд лихо отплясывал в ньюпортском^[1] казино котильон^[2], неизменно выступая в первой паре, и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора. У него были две слабости — гардений и геральдика, а во всем остальном он отличался удивительным здравомыслием.

Мисс Вирджинии Е. Оутис шел шестнадцатый год. Это была стройная, грациозная, как лань, девочка с большими, ясными голубыми глазами. Она прекрасно ездила верхом и однажды, уговорив старого лорда Билтона проскакать с ней два раза наперегонки вокруг Гайд-парка, первая оказалась у статуи Ахиллеса, обойдя лорда на своем пони на целых полтора корпуса, чем привела юного герцога

Чеширского в такой восторг, что он немедленно сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон.

У Вирджинии было также двое младших братьев-близнецов, которых прозвали «звездно-полосатыми»^[3], поскольку их без конца пороли, — очень славные мальчики, к тому же единственные в семье убежденные республиканцы, если, конечно, не считать самого посланника.

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте было целых семь миль, но мистер Оутис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличнейшем расположении духа. Стоял прекрасный июльский вечер, и воздух был напоен теплым ароматом соснового бора. Время от времени до них доносилось нежное воркование лесной горлицы, упивавшейся своим собственным голосом, в шелестящих зарослях папоротника то и дело мелькала пестрая грудь фазана. С высоких буков на них поглядывали белки, казавшиеся снизу совсем крошечными, а притаившиеся в низкой поросли кролики, завидев их, удирали по мшистым кочкам, подергивая своими короткими белыми хвостиками.

Но не успели они выехать на аллею, ведущую к Кентервильскому замку, как небо вдруг заволокло тучами и воздух сковала странная тишина. Над головой у них бесшумно пролетела огромная стая грачей, и, когда они подъезжали к дому, большими редкими каплями начал накрапывать дождь.

На ступеньках их поджидала опрятная старушка в черном шелковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Амни, домоправительница, которую миссис Оутис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности. Она сделала глубокий реверанс перед каждым из членов семьи и церемонно, по-старинному, промолвила:

— Милости просим в Кентервильский замок!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав величественный холл в стиле тюдор, очутились в библиотеке — длинной и низкой комнате, обшитой черным дубом, с большим витражом напротив двери. Здесь уже все было приготовлено к чаю. Сбросив с себя плащи и шали, они

уселись за стол и, пока миссис Амни разливала чай, принялись осматриваться вокруг.

Вдруг миссис Оутис заметила на полу возле камина потемневшее от времени красное пятно и, не в состоянии себе объяснить, откуда оно могло появиться, спросила у миссис Амни:

— Наверное, там было что-то пролито?

— Да, мадам, — ответила старая экономка приглушенным голосом, — на этом месте была пролита кровь.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Оутис. — Мне не хотелось бы, чтобы в моей гостиной были пятна крови. Его нужно сейчас же убрать!

Старушка улыбнулась и ответила все тем же таинственным полупшепотом:

— Вы видите кровь леди Элеоноры де Кентервиль, убитой на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Саймоном де Кентервилем. Сэр Саймон пережил ее на девять лет, а потом внезапно исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это пятно, и смыть его никак невозможно.

— Ерунда! — уверенно произнес Вашингтон Оутис. — «Образцовый пятновыводитель и очиститель» фирмы «Пинкертон» удалит его в два счета.

И не успела испуганная экономка ему помешать, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленьким круглым брусом, похожим на губную помаду, только черную. Не прошло и минуты, как от пятна и следа не осталось.

— «Пинкертон» никогда не подведет! — с торжествующим видом воскликнул юноша, обернувшись к восхищенному семейству. Но едва он произнес эти слова, как ужасающая вспышка молнии озарила полутемную комнату, и последовавший за ней оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни лишилась чувств.

— Какой здесь отвратительный климат, — с невозмутимым видом проговорил американский посланник, закуривая сигару. — Добрая старая Англия до того перенаселена, что даже приличной погоды на

всех не хватает. Я всегда придерживался мнения, что эмиграция — единственное спасение для Британии.

— Дорогой Хайрем, — сказала миссис Оутис, — что нам с ней делать, если она чуть что примется падать в обморок?

— Удерживай у нее из жалованья, как за битье посуды, — ответил посланник, — и вскоре она избавится от этой привычки.

И правда, через две-три секунды миссис Амни очнулась. Впрочем, у нее был явно обиженный вид, и она, упрямо поджав губы, заявила мистеру Оутису, что в этот дом скоро придет беда.

— Сэр, — сказала она, — мне доводилось здесь видеть такое, от чего у всякого христианина волосы могли бы встать дыбом, и те ужасные вещи, которые здесь происходят, не давали мне сомкнуть глаза многие и многие ночи.

Но мистер Оутис и его супруга заверили почтенную особу, что они не боятся привидений, и, призвав благословенье Божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо было бы прибавить ей жалованье, старая домоправительница нетвердыми шагами удалилась в свою комнату.

Глава вторая

Всю ночь бушевала буря, но ничего из ряда вон выходящего не произошло. Однако, когда на следующее утро все спустились к завтраку, они снова увидели на полу кровавое пятно.

— В «образцовом очистителе» сомневаться не приходится, — сказал Вашингтон. — На чем я его только не перепробовал — и он ни разу меня не подвел. Видно, здесь и в самом деле приложило руку привидение.

И он еще раз вывел пятно, но наутро оно снова появилось на прежнем месте. Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Оутис, прежде чем уйти спать, лично запер библиотеку и забрал с собой ключ. Теперь проблема привидений интересовала всю семью. Мистер Оутис стал подумывать, не слишком ли он был категоричен, отрицая существование духов; миссис Оутис высказала намерение вступить в Парапсихологическое общество, а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Майерсу и Подмору^[4] касательно долговечности кровавых пятен, связанных с преступлениями.

Если у них и оставались какие-то сомнения в реальности призраков, в ту памятную ночь они рассеялись навсегда. День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады все семейство отправилось на прогулку. Домой они вернулись лишь к девяти часам и сразу же сели за легкий ужин. О привидениях даже речи не заходило, так что присутствующие вовсе не были в том состоянии повышенной восприимчивости, которое часто предшествует материализации духов. Говорили, как потом мне рассказывал мистер Оутис, о том, о чем обычно говорят просвещенные американцы из высших слоев общества: о бесспорном превосходстве американской актрисы мисс Фанни Давенпорт над французской актрисой Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают кукурузы, гречневых лепешек и мамалыги; об исключительном значении Бостона для духовного развития всего человечества; о преимуществах введенной системы багажных квитанций при оформлении провоза багажа по железной дороге; о приятности нью-йоркского произношения по сравнению с протяжным лондонским

выговором. Ни о чем сверхъестественном речь не заходила, сэр Саймон де Кентервиль также не упоминался. В одиннадцать вечера все отправились отдыхать, и полчаса спустя в доме был погашен свет.

Некоторое время спустя мистер Оутис проснулся от странных звуков в коридоре у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит — и с каждым мгновением все отчетливее — лязганье металла. Он встал, чиркнул спичкой и взглянул на часы. Они показывали ровно час ночи. Мистер Оутис, не теряя самообладания, пощупал свой пульс, и он оказался, как всегда, ровным и ритмичным. Но загадочные звуки не умолкали — более того, мистер Оутис явственно услышал звук шагов. Он сунул ноги в комнатные туфли, достал из дорожного несессера продолговатый флакон в упаковке и открыл дверь. Прямо перед собой он увидел в призрачном свете луны старика в высшей степени ужасного вида. Глаза его горели, как раскаленные угли, седые длинные волосы космами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя все было в лохмотьях, с его рук и ног, закованных в кандалы, свисали тяжелые ржавые цепи.

— Сэр, — обратился к нему мистер Оутис, — я вынужден самым настоятельным образом просить вас впредь смазывать ваши цепи, и с этой целью захватил для вас пузырек машинного масла «Восходящее солнце демократии», известного своим эффективным действием после первого же употребления. На упаковке помещены положительные отзывы наших виднейших священнослужителей, подтверждающие исключительные достоинства этого средства. Я оставляю пузырек здесь, на столике возле канделябра, и буду рад снабжать вас новыми порциями масла по мере надобности.

С этими словами посланник Соединенных Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улегся в постель.

Кентервильское привидение так и застыло от возмущения. Затем, яростно швырнув флакон на паркет, оно ринулось по коридору, испуская зловещее зеленое сияние и глухо стеная. Но едва оно взобралось по широкой дубовой лестнице наверх, как из распахнувшейся двери выскочили две фигурки в белом, и огромная подушка просвистела у него над головой. В такой ситуации нельзя было терять ни минуты, и дух, прибегнув к четвертому

пространственному измерению, поспешно ретировался, исчезнув через деревянную стенную панель, после чего в доме все стало тихо.

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, призрак прислонился к лунному лучу и, немного отдышавшись, попытался осмыслить сложившееся положение. Ни разу за всю свою безупречную трехсотлетнюю службу в качестве привидения он не подвергался таким неслыханным оскорблениям. Ему вспомнилось в эту минуту многое: и то, как он насмерть перепугал вдовствующую герцогиню, когда она стояла перед зеркалом, вся в кружевах и бриллиантах; и то, как с четырьмя горничными началась истерика, стоило ему только им улыбнуться из-за портьеры в спальне для гостей; и то, как он задул свечу в руке приходского священника, когда тот поздно ночью выходил из библиотеки, отчего с беднягой случился нервный припадок, и он до сих пор вынужден лечиться у сэра Уильяма Галла^[5]; и то, как старая мадам де Тремуайак, проснувшись как-то на рассвете и увидев, что в кресле у камина сидит скелет и читает ее дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, а выздоровев, примирилась с церковью и решительно порвала все отношения с известным скептиком мосье де Вольтером. Он вспомнил также ту страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли в гардеробной задыхающимся с бубновым валетом в горле. Умирая, старик признался, что с помощью этой карты он, жульничая, обыграл Чарлза Джеймса Фокса в Крокфордзе^[6] на целых пятьдесят тысяч фунтов, и Кентервильское привидение, как он клятвенно уверял, заставило его проглотить меченую карту.

Он вспомнил каждого, кто был жертвой его великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, увидев, как в окно буфетной стучится чья-то зеленая рука, и кончая прекрасной леди Статфилд, которая вынуждена была постоянно носить черную бархатку вокруг шеи, чтобы скрыть отпечатки пяти пальцев на своей белоснежной коже, и в конце концов утопилась в сазановом пруду в конце Королевской аллеи. Испытывая чувство самоупоения, столь хорошо знакомое каждому истинному художнику, он перебирал в уме лучшие сыгранные им роли, и губы его скривились в торжествующей усмешке, когда он вспомнил последнее свое выступление в качестве «Рыжего Рубена, или Задушенного Младенца», а также свой дебют в роли «Тощего Гибсона, кровопийцы с Бекслейского болота». Ему

вспомнилось, как одним тихим июньским вечером он произвел настоящий фурор, когда сыграл на площадке для тенниса партию в кегли, используя для этого кости своего скелета, хотя лично он ничего особенного в этом не видел.

И вот после всего этого в замок заявляются какие-то несчастные американцы, считающие себя ужасно современными, и навязывают ему машинное масло с дурацким названием «Восходящее солнце демократии», да еще швыряют в него подушками! Это просто невыносимо! История не знает примеров такого обращения с привидениями. И в нем созрело решение отомстить.

Когда наступил рассвет, он все еще пребывал в состоянии глубокого раздумья.

Глава третья

На следующее утро, за завтраком, Оутисы говорили главным образом о привидении. Посланник Соединенных Штатов, естественно, был в некоторой мере задет тем, что его подарок отвергли.

— Я не собираюсь причинять привидению никакого вреда, — сказал он, — и должен в этой связи заметить, что швырять подушками в того, кто столько лет обитает в этом доме, крайне невежливо. — (Весьма справедливое замечание, которое, должен с сожалением сообщить, было встречено близнецами громким хохотом). — Тем не менее, — продолжал посланник, — если привидение проявит упрямство и не пожелает воспользоваться машинным маслом «Восходящее солнце демократии», придется снять с него цепи. Невозможно спать, когда такой грохот у тебя под самой дверью.

Впрочем, до конца недели их никто больше не тревожил, хотя кровавое пятно на полу библиотеки неизменно продолжало появляться каждое утро. Это было довольно странно, ибо мистер Оутис на ночь всегда запирали библиотечную дверь, а окна закрывались ставнями с крепкими засовами. Хамелеоноподобное изменение цвета крови также вызывало недоумение. Иногда пятно было тусклого желтовато-красного цвета, иногда алого, иногда пурпурного, а однажды, когда они сошли вниз для семейной молитвы по упрощенному ритуалу Свободной американской реформатской епископальной церкви^[7], пятно оказалось изумрудно-зеленым. Такого рода калейдоскопические изменения, разумеется, весьма забавляли членов семейства Оутисов, и каждый вечер по этому поводу между ними заключались пари. Лишь юная Вирджиния не находила в этом ничего забавного; всякий раз, увидев кровавое пятно, она почему-то грустнела, а в тот день, когда оно стало изумрудно-зеленым, даже чуть не расплакалась.

Во второй раз приведение появилось в ночь с воскресенья на понедельник. Едва лишь Оутисы улеглись спать, как в холле послышался страшный грохот. Выбежав из своих спален, они бросились вниз и увидели, что там на каменном полу валяются упавшие с пьедестала огромные рыцарские доспехи, а в кресле с высокой спинкой сидит Кентервильское привидение и, морщась от

боли, потирает колени. Близнецы с той поразительной меткостью, которую можно приобрести, лишь долго и старательно практикуясь на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в привидение по заряду из трубочек для стрельбы горохом, которые они предусмотрительно захватили с собой, а посланник Соединенных Штатов наставил на него револьвер и, в полном соответствии с калифорнийскими правилами хорошего тона, скомандовал: «Руки вверх!». Дух издал яростный вопль и, вскочив на ноги, пронесся между ними, словно гонимый ветром сгусток тумана, погасив у Вашингтона свечу и оставив их всех в крошечной темноте. Достигнув верхней площадки лестницы, он, отдышавшись и придя в себя, решил продемонстрировать свой знаменитый дьявольский хохот, который выручал его в стольких случаях. Поговаривали, что от этих звуков за ночь поседел парик лорда Рейкера, а три французские гувернантки леди Кентервиль заявили о своем уходе, не прослужив в замке и месяца.

И он разразился самым своим жутким хохотом, долго еще гудевшим под старыми сводами замка. Но не успело смолкнуть страшное эхо, как отворилась дверь, и на пороге появилась миссис Оутис в бледно-голубом халате.

— Мне кажется, вам нездоровится, — сказала она, — так что я принесла вам микстуру доктора Добелла. Думаю, все дело в несварении желудка, и вы сами увидите, как это лекарство вам отлично поможет.

Призрак метнул на нее яростный взгляд и тут же собрался превращаться в большую черную собаку — этот трюк принес ему заслуженную славу и явился, по мнению домашнего врача Кентервилей, причиной неизлечимого слабоумия дядюшки лорда Кентервиля, почтенного Томаса Хортон. Но звук приближающихся шагов заставил его отказаться от этого коварного намерения, так что ему пришлось удовольствоваться тем, что он стал слабо фосфоресцировать, и, когда близнецы подбежали к нему, он исчез, испустив леденящий душу кладбищенский стон.

Добравшись до своего убежища, он почувствовал себя совершенно сломленным, и им овладело беспредельное отчаяние. Невоспитанность близнецов и грубый материализм миссис Оутис были, конечно, и сами по себе крайне оскорбительными, но больше

всего его огорчало то, что ему не удалось облечься в доспехи. Он полагал, что даже эти современные американцы будут повергнуты в трепет, когда перед ними предстанет Призрак в латах, — ну хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, над чьей изящной, притягательной поэзией он просиживал целыми часами, когда Кентервили переезжали в город. К тому же латы эти были его собственными. Он выглядел в них очень эффектно на турнире в Кенилворте и даже удостоился нескольких лестных слов в свой адрес от самой королевы-девственницы^[8]. Но, надев их теперь, спустя столько времени, он почувствовал, что массивный нагрудник и стальной шлем слишком тяжелы для него, и, не выдержав их веса, рухнул на каменный пол, ссадив себе оба колена и больно ушибив пальцы правой руки.

После этого он несколько дней чувствовал себя больным и совсем не выходил из комнаты — разве что ночью, для поддержания в должном порядке кровавого пятна. Но благодаря умелому самоврачеванию он поправился и решил, что попробует напугать американского посланника и членов его семьи в третий раз. Для своего появления он выбрал пятницу семнадцатого августа и весь этот день до самого наступления темноты перебирал свой гардероб, остановив наконец выбор на высокой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками на рукавах и у ворота и заржавленном кинжале. К вечеру началась гроза, и ветер так бушевал, что сотрясались и гремели все окна и двери старого дома. Впрочем, такая погода была для него как раз то, что надо. План его заключался в следующем. Для начала он тихонько проберется в комнату Вашингтона Оутиса, даст ему собою полюбоваться, некоторое время постоит в ногах его кровати и бормоча что-нибудь нечленораздельное, а затем под звуки заунывной музыки трижды пронзит себе горло кинжалом. К Вашингтону он испытывал особую неприязнь, так как прекрасно знал, что именно этот юнец имеет скверную привычку стирать своим «образцовым очистителем» знаменитое Кентервильское кровавое пятно. Приведя этого безрассудного и непочтительного молодого человека в состояние полной прострации, он проследует затем в супружескую опочивальню посланника Соединенных Штатов и возложит свою холодную влажную руку на лоб миссис Оутис, в то же время хрипло нашептывая ее дрожащему от ужаса мужу жуткие тайны фамильного склепа.

Насчет маленькой Вирджинии он пока ничего определенного не придумал. Она ни разу его не обидела и, кроме того, была очень славной и доброй девочкой. Пожалуй, будет достаточно обойтись парой-другой глухих стонов из шкафа, а если она не проснется, он подергает дрожащими скрюченными пальцами за ее одеяло. А вот близнецов он проучит как следует. Первым делом он усядется им на грудь, дабы из-за нехватки воздуха их стали мучить кошмары. Затем, поскольку кровати их стоят совсем рядом, он расположится между ними, приняв облик зеленого холодного трупа, и не сдвинется с места до тех пор, пока их окончательно не парализует страх. Тогда он сбросит саван и, обнажив свои белые кости, примется, вращая одним глазом, ползать по комнате, изображая «Онемевшего Даниила, или Скелета-самоубийцу». Это была эффектная роль, всегда производившая очень сильное впечатление, — ничуть не хуже его знаменитого «Безумного Мартина, или Неразгаданной Тайны».

В половине одиннадцатого вся семья, как можно было судить по звукам, отправилась спать. Но еще какое-то время из спальни близнецов доносились дикие взрывы хохота — как видно, мальчишки со свойственной школьникам беззаботностью резвились, перед тем как лечь в постель. В четверть двенадцатого в доме наконец воцарилась полная тишина, и, как только пробило полночь, он отправился выполнять свою благородную миссию. О стекла билась сова, ворон каркал на верхушке старого тиса, ветер блуждал вокруг дома, стеная, словно неприкаянная душа. Но Оутисы спали спокойно, не подозревая о том, какое их ждет испытание, и ветру с дождем не удавалось заглушить ритмичное похрапывание посланника Соединенных Штатов. Призрак с жуткой усмешкой на сморщенных губах осторожно выступил из дубовой стенной панели, и вскоре, как раз в тот момент, когда он крался мимо огромного эркерного окна, украшенного золотисто-голубыми фамильными гербами — его собственным и убитой им супруги, — круглый лик луны скрылся за облаком. Все дальше и дальше скользил он зловещей тенью, и даже ночному мраку он, казалось, внушал отвращение.

Вдруг ему почудилось, что кто-то его окликнул, и он замер на месте, но это был всего лишь лай собаки на Красной ферме. И он отправился дальше, бормоча под нос причудливые средневековые ругательства и беспрестанно размахивая ржавым кинжалом. Наконец

он добрался до того места, откуда начинался коридор, ведущий в комнату несчастного Вашингтона. Там он на минутку остановился, чтобы передохнуть. Гулявший по дому ветер развеивал его седые космы и трепал могильный саван, придавая ткани причудливые, фантастические очертания. Часы пробили четверть, и он почувствовал, что дальше медлить нельзя. Удовлетворенно хихикнув, он повернул за угол, но тут же с жалостным воплем отшатнулся и закрыл побелевшее от ужаса лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним стоял страшный призрак, неподвижный, точно каменное изваяние, и чудовищно безобразный, словно приснившийся безумцу кошмар. Голова его была увенчана лоснящейся лысиной, лицо у него было круглое, толстое, мертвенно-бледное, с застывшей на нем отвратительной улыбкой. Глаза его излучали ярко-красный свет, рот был словно широкий колодец, в недрах которого полыхал огонь, а безобразное одеяние, подобное его собственному, белоснежным саваном окутывало массивную фигуру. На груди у призрака висела табличка с неразборчивой в темноте надписью, начертанной старинными буквами. О страшном позоре, должно быть, вещала она, о грязных пороках и диких злодействах. Его поднятая правая рука держала блестящий меч.

Дух Кентервиля, никогда раньше не видевший других привидений, естественно, до смерти перепугался. Бросив еще один беглый взгляд на страшного призрака, он бросился наутек к себе в комнату. Он бежал по коридору, не чуя под собой ног, путаясь в складках савана, и по дороге уронил свой ржавый кинжал в сапог посланника, в котором поутру он и был найден дворецким. Добравшись до своей комнаты, он бросился на убогое ложе и спрятал голову под одеяло. Но скоро в нем пробудился тот бравый дух, которым испокон веков гордились все Кентервили, и он решил прямо с утра пойти поговорить с другим привидением. И вот, едва лишь рассвет коснулся своим серебром холмов, он поспешил на то место, где ему встретился напугавший его призрак; после долгих размышлений он пришел к выводу, что, в конце концов, два привидения лучше, чем одно, и что с его новым другом ему будет легче управиться с близнецами. Увы, когда он туда добрался, его взору открылось страшное зрелище. Было очевидно, что с призраком случилось какое-то несчастье. Свет погас в его пустых глазницах,

блестящий меч выпал из его рук, и он стоял, опираясь на стенку в какой-то напряженной и неестественной позе. Кентервильское привидение подбежало к нему и обхватило его руками, и в этот момент голова призрака — о, ужас! — внезапно соскочила с плеч и покатилась по полу, туловище обмякло, и оказалось, что он прижимает к себе всего лишь белый канифасный полог, а у ног его валяются метла, кухонный нож и пустая тыква. Не зная, как объяснить это странное превращение, он дрожащими руками поднял с пола табличку с надписью и при сером утреннем свете прочел следующие слова:

ОУТИССКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Единственное воистину подлинное привидение.

Остерегайтесь подделок!

Все остальные — не настоящие.

Тут только его озарило. Его одурачили, перехитрили, обвели вокруг пальца! В глазах его появилось обычное для Кентервилей выражение; он заскрежетал беззубыми деснами и, воздев к небу высохшие руки, поклялся, прибегнув к живописнейшим образцам старинной стилистики, что, не успеет Шантеклер^[9] дважды протрубить в свой громогласный рог, как свершатся кровавые дела, и Убийство неслышными шагами войдет в этот дом.

Едва он произнес это страшное заклинание, как с красной черепичной крыши отдаленного фермерского дома донесся крик петуха. Призрак разразился негромким, продолжительным, злорадным смехом и стал терпеливо ждать. Он ждал час, он ждал два, но петух по какой-то непонятной причине не спешил петь второй раз. Наконец, когда в половине восьмого пришли горничные, ему ничего не оставалось как оставить свое тревожное бдение, и он крадучись отправился восвояси, горя о несбывшихся планах и напрасных надеждах. Оказавшись у себя в комнате, он принялся перелистывать книги о давнем рыцарстве — а это было его любимым чтением, — и в них было ясно сказано, что всякий раз, когда произносится это заклинание, должен дважды пропеть петух.

— Будь проклята эта жалкая птица! — пробормотал он. — Рано или поздно наступит тот день, когда верное мое копьё пронзит ей глотку и заставит ее прокричать, но криком уже предсмертным!

После этого он улегся в свой удобный свинцовый гроб и оставался там до самой темноты.

Глава четвертая

Наутро призрак чувствовал себя совсем разбитым. Начинали сказываться ужасные треволнения последних четырех недель. Нервы его были вконец расшатаны, и он вздрагивал от малейшего шороха. Целых пять дней не выходил он из комнаты и в конце концов принял решение больше не обновлять кровавого пятна на полу в библиотеке. Если оно Оутисам не нужно, значит, они его не заслуживают. Они явно из тех людей, которые довольствуются самым низким, а иначе говоря, материальным уровнем существования и совершенно не способны оценить символическое значение явлений чувственного характера. Что касается чисто теоретических вопросов, связанных с существованием призраков или, скажем, с различными фазами развития астральных тел, то это была особая сфера, находившаяся, по правде говоря, за пределами его компетенции. Он знал лишь одно: у него есть священный долг хотя бы раз в неделю появляться в коридоре, а в первую и третью среду каждого месяца нечленораздельно бормотать, сидя у большого окна в эркере, и он не представлял себе, как без урона для своей чести он мог бы отказаться от этих обязанностей. И хотя земную свою жизнь он прожил крайне безнравственно, в потустороннем мире он проявлял во всем поразительную добросовестность. И в соответствии с этим следующие три субботы он, как всегда, с полуночи до трех ночи совершал обход коридоров, всячески заботясь о том, чтобы его никто не увидел и не услышал. Обувь свою он оставлял теперь в комнате, стараясь ступать по источенному червями дощатому полу как можно тише, облачался в широкую черную бархатную мантию и никогда не забывал самым тщательным образом смазывать свои цепи машинным маслом «Восходящее солнце демократии». Должен, однако, заметить, что ему было совсем нелегко заставить себя прибегнуть к названному средству защиты от ржавчины. И все же как-то вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в спальню к мистеру Оутису и стащил пузырек с маслом. Поначалу он чувствовал себя слегка униженным, но очень скоро вынужден был признать, что изобретение это и в самом деле бесполезно и неплохо ему помогает.

Несмотря на все эти меры предосторожности, его не оставляли в покое. Поперек коридора постоянно протягивались веревки, и он то и дело падал, цепляясь за них, а однажды, совершая свой обход в облачении «Черного Исаака, или Охотника из Хоглейского леса», он поскользнулся и сильно расшибся, так как близнецы намазали пол жиром, начиная от входа в Гобеленовый зал и кончая верхней площадкой дубовой лестницы. Эта гнусная проделка настолько его разгневала, что он решил предпринять еще одну, и окончательную, попытку защитить свое попорченное достоинство и высокий статус Кентервильского привидения, представ следующей же ночью перед дерзкими воспитанниками Итона в своем любимом образе «Отважного Руперта, или Графа Без Головы».

Он не выступал в этой роли уже более чем семьдесят лет — собственно, с тех самых пор, как до того напугал прелестную леди Барбару Моудиш, что она неожиданно расторгла помолвку с дедом нынешнего лорда Кентервиля и сбежала в Гретна-Грин^[10] с красавцем Джеком Каслтоном, заявив, что ни за какие коврижки не выйдет замуж за человека, семья которого позволяет таким кошмарным привидениям разгуливать в сумерках по террасе. Бедняга Джек вскоре после этого погиб от пули лорда Кентервиля на дуэли, состоявшейся на Уондсвортском лугу, а леди Барбара, сердце которой не выдержало утраты, менее чем через год умерла в Тенбридж-Уэллсе^[11]. Так что можно с уверенностью утверждать, что выступление Кентервильского привидения во всех отношениях имело грандиозный успех. Однако для этой роли требовался чрезвычайно сложный грим (если, конечно, можно применить такой сугубо театральный термин по отношению к одной из величайших загадок сверхъестественного мира, или, выражаясь по-научному, «естественного мира высшего порядка»), и ему пришлось потратить добрых три часа на приготовления. Наконец все было закончено, и он остался очень доволен своим видом. Правда, большие кожаные ботфорты, которые являлись неотъемлемой частью этого костюма, были ему великоваты, а один из седельных пистолетов куда-то запропастился, но в целом, как ему казалось, наряд на нем выглядел превосходно.

Ровно в четверть второго он выскользнул из стенной панели и стал красться по коридору. Добравшись до комнаты близнецов (она, должен упомянуть, называлась «Голубой спальней», по цвету портьер

и обоев), он обнаружил, что дверь слегка приоткрыта. Желая как можно эффектнее обставить свое появление, он широко распахнул ее, и в тот же миг на него упал тяжелый кувшин с водой, пролетев мимо его левого плеча в каких-то нескольких дюймах, но успев обрушить на него целое море воды, так что на нем и сухой нитки не осталось. Тут же из-под балдахина широкой кровати раздались взрывы сдавленного хохота.

Потрясение для его нервной системы было столь велико, что он опрометью кинулся в свою комнату, а на следующий день слег от жестокой простуды. Хорошо еще, что он оставил голову в комнате, а то не обошлось бы без тяжелых осложнений для его ослабленного организма.

После этого он оставил всякую надежду запугать этих нецивилизованных американцев и, как правило, довольствовался тем, что бродил по коридорам в войлочных комнатных туфлях, замотав шею толстым красным шарфом от сквозняков и не выпуская маленькой аркебузы^[12] из рук на случай нападения близнецов.

Последний удар был нанесен ему девятнадцатого сентября. Он спустился в огромный холл замка, уверенный, что там уж его не потревожат в такой поздний час, и забавлял себя тем, что изоощрялся в насмешливых замечаниях в адрес посланника Соединенных Штатов и его супруги, изображенных на сделанных у Сарони^[13] больших фотографиях, заменивших фамильные портреты Кентервилей. Он был просто, но аккуратно одет в длинный саван, кое-где побитый могильной плесенью, нижняя его челюсть была подвязана желтой косынкой, а в руке он держал небольшой фонарь и заступ, какими пользуются могильщики. Собственно говоря, он был одет как «Иона Непогребенный, или Похититель Трупов с Чертсейского Гумна» — один из лучших его образов, который Кентервили имели все основания надолго запомнить, поскольку именно из-за блестящего исполнения им этой роли они навсегда разругались со своим соседом лордом Раффордом.

Было около четверти третьего, и в доме, насколько он мог судить, царила полная тишина. Но когда он пробирался к библиотеке, чтобы взглянуть, остались ли от кровавого пятна хоть какие-нибудь следы, из темного угла внезапно бросились на него две фигуры и, остервенело размахивая руками над головой, завопили ему в самое ухо: «У-у-у!»

Охваченный паническим страхом, вполне объяснимым в таких обстоятельствах, он бросился к лестнице, но там его подкарауливал Вашингтон с большим садовым опрыскивателем. Видя, что враги окружили его со всех сторон и деваться ему некуда, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, в эту ночь не топилась, и по дымоходам пробрался в свою каморку, ужасно грязный, растрепанный и исполненный отчаяния.

После этого он больше не делал своих ночных вылазок. Близнецы некоторое время продолжали устраивать на него засады и каждый вечер, к великому неудовольствию родителей и прислуги, посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, но безрезультатно. Не было сомнений — призрак чувствовал себя настолько обиженным, что не желал являться обитателям дома. В результате мистер Оутис счел возможным снова усесться за свой объемистый труд по истории Демократической партии США, над которым работал уже много лет; миссис Оутис устроила великолепный пикник на морском берегу, поразивший все графство; мальчики отдались увлечению лакроссом^[14], юкером^[15], покером и другими американскими национальными играми, а Вирджиния каталась по аллеям на пони в сопровождении юного герцога Чеширского, проводившего в Кентервильском замке последнюю неделю своих каникул. Все решили, что привидение покинуло замок, и мистер Оутис даже написал об этом лорду Кентервиллю, который в ответном письме выразил на сей счет свою радость и попросил поздравить от его имени с этим приятным событием достойную супругу посланника.

Однако Оутисы ошибались, ибо привидение никуда не исчезало из замка и, хотя превратилось теперь чуть ли не в инвалида, все же не думало оставлять их в покое, особенно когда ему стало известно, что среди гостей находится юный герцог Чеширский, двоюродный внук того самого лорда Фрэнсиса Стилтона, который однажды поспорил с полковником Карбери на сто гиней, что сыграет в кости с Кентервильским привидением, а утром был найден на полу ломберной полностью разбитым параличом. Хотя лорд Стилтон и дожил до самых преклонных лет, после этого случая он мог произносить всего лишь два слова: «шестерка дубль». История эта в свое время наделала много шума, даром что из уважения к чувствам обеих благородных семей ее всячески старались замять. Подробный рассказ обо всех

обстоятельствах происшествия можно найти в третьем томе сочинения лорда Тэттла «Воспоминания о принце-регенте и его друзьях». Призраку, естественно, хотелось доказать, что он не утратил прежнего влияния на Стилтонов, с которыми к тому же состоял в дальнем родстве: его кузина была замужем *en secondes nocces*^[16] за сэром де Балкли, а от него, как известно, ведут свой род герцоги Чеширские.

Он даже сделал необходимые приготовления к тому, чтобы явиться перед юным поклонником Вирджинии в столь удававшемся ему образе «Монаха-вампира, или Обескровленного Бенедиктинца^[17]». Он был так страшен в этой роли, что когда его однажды, в роковой вечер под новый 1764 год, увидела старая леди Стартап, с ней, после того как она издала несколько истошных криков, случился апоплексический удар. Через три дня она скончалась, успев лишить Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства, поскольку оставила все свои деньги лондонскому аптекарю, снабжавшему ее лекарствами.

Однако в последнюю минуту из страха перед близнецами привидение не решилось покинуть свою комнату, и юный герцог спокойно проспал до утра под большим украшенным перьями балдахинном в Королевской опочивальне. Во сне он видел Вирджинию.

Глава пятая

Несколько дней спустя Вирджиния и ее кудрявый кавалер отправились кататься верхом на Броклейские луга, и она, продираясь сквозь живую изгородь, так изорвала свою амазонку, что, вернувшись домой, решила подняться к себе по лестнице черного хода, с тем чтобы ее никто не увидел. Пробегая мимо Гобеленового зала, дверь которого оказалась открытой, она заметила краем глаза, что там кто-то есть, и, полагая, что это камеристка ее матери, иногда приходившая сюда с шитьем, остановилась и заглянула в дверь, чтобы попросить ее починить порванную амазонку. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что это Кентервильский призрак! Он сидел у окна и наблюдал за тем, как с пожелтевших деревьев слетает непрочная позолота и как красные листья в бешеной пляске несутся по длинной аллее парка. Голову он положил на сложенные вместе руки, и вся его поза выражала беспросветное отчаяние. Он казался таким одиноким, таким дряхлым и беззащитным, что маленькой Вирджинии, первым побуждением которой было скорее бежать отсюда и запереться в своей комнате, стало жалко его и захотелось его утешить. Шаги ее были так легки, а его меланхолия так глубока, что он заметил ее присутствие лишь тогда, когда она с ним заговорила.

— Поверьте, я вам очень сочувствую, — сказала она. — Но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете себя хорошо вести, вас больше никто не обидит.

— Какой толк просить меня хорошо себя вести?! — отозвался он, с удивлением оглядываясь на хорошенькую девочку, которая не побоялась заговорить с ним. — Никакого! Мне, знаешь ли, просто положено греметь цепями, стонать сквозь замочные скважины и разгуливать по ночам — ты ведь это считаешь плохим поведением? В этом весь смысл моего существования!

— Никакого смысла тут нет, и вы сами прекрасно знаете, что плохо себя вели. Миссис Амни сказала нам в первый же день после нашего приезда, что вы убили свою жену.

— Ну, допустим, убил, — раздраженно ответил дух, — но это мое личное дело, и это никого не касается.

— Убивать людей очень нехорошо, — сказала Вирджиния с той пуританской серьезностью, которая порой появлялась в выражении ее милого лица и которую она унаследовала от какого-то предка из Новой Англии.

— О, как я ненавижу это дешевое морализирование, свойственное абстрактной этике! Моя жена была очень дурна собой, она никогда не умела должным образом накрахмалить мне брыжи^[18] и ровно ничего не смыслила в искусстве вкусно готовить. Возьмем, к примеру, хотя бы такой случай. Однажды мне удалось убить в Хоглейском лесу оленя, великолепного самца-одногодка, — так вот, как же, ты думаешь, она с ним распорядилась и что в конце концов было подано к столу? Да что толку сейчас говорить об этом — дело ведь прошлое! И пусть я действительно убил свою жену, но заморить меня голодом, доведя до мучительной смерти, было со стороны ее братьев тоже не очень-то красиво.

— Они заморили вас голодом? О, мистер призрак, — то есть, я хотела сказать, сэр Саймон, — вы, наверно, и сейчас голодны? У меня в сумке есть бутерброд. Возьмите, пожалуйста!

— Нет, спасибо. Я давно ничего не ем. Но все равно с твоей стороны это очень любезно, и вообще ты гораздо симпатичнее всей своей ужасной, невоспитанной, вульгарной и бесчестной семьи.

— Не смейте так говорить! — воскликнула Вирджиния, топнув ногой. — Это вы невоспитанны, ужасны и вульгарны, а что касается честности, так вы сами прекрасно знаете, кто таскал у меня из ящика краски, чтобы наводить ваше дурацкое кровавое пятно. Сперва исчезли все красные краски, включая и алые, так что я больше не могла изображать закаты, потом вы унесли изумрудную зелень и желтый хром, а кончилось тем, что у меня вообще ничего не осталось, кроме индиго и китайских белил, и мне пришлось ограничиться пейзажами с лунным светом, а они такие унылые, да и рисовать их ужасно трудно. Но я никому на вас не наябедничала, хоть и очень сердилась. И вообще все это страшно глупо: ну разве бывает изумрудная кровь?

— А что мне оставалось делать? — произнес призрак с некоторым смущением. — В нынешние времена достать настоящую кровь не так-то просто, и поскольку твой драгоценный братец решил пустить в ход свой «образцовый очиститель», — а с этого все и началось, — мне ничего другого не оставалось как воспользоваться

твоими красками. А что касается цвета, то это, знаешь ли, дело вкуса. У Кентервилей, например, кровь голубая, самая голубая во всей Англии. Впрочем, вас, американцев, такие вещи не интересуют.

— Откуда вам знать, что нас интересует? Я вам очень советую к нам эмигрировать и расширить у нас свой кругозор. Папа с радостью устроит вам бесплатный проезд, и, хотя пошлины на спиртное, а значит, и на все спиритическое ужасно высокие, проблем на таможне у вас не будет, так как все чиновники там — демократы. А в Нью-Йорке вас ждет огромный успех. Я знаю там многих людей, которые с охотой бы дали сто тысяч долларов просто за то, чтобы у них был дедушка, ну а за то, чтобы иметь семейное привидение, дадут во сто крат больше.

— Боюсь, мне не понравится ваша Америка.

— Потому что у нас нет ничего допотопного и диковинного? — насмешливо спросила Вирджиния.

— Ничего допотопного и диковинного? А ваш флот и ваши манеры?

— Всего хорошего! Пойду попрошу папу, чтобы он разрешил близнецам задержаться еще на одну неделю.

— Прошу вас, не уходите, мисс Вирджиния! — воскликнул призрак. — Я так одинок и несчастен! И я совершенно не знаю, что делать мне дальше. Больше всего я хотел бы уснуть, но, увы, не могу.

— Ну что за глупости вы говорите! Для этого всего лишь надо лечь в постель и задуть свечу. Вот бодрствовать — это гораздо труднее, особенно в церкви. А для того, чтоб уснуть, не нужно никаких усилий. С этим справится и грудной младенец, хоть он почти и ничего не соображает.

— Я не сплю уже триста лет, — печально промолвил призрак, и прекрасные голубые глаза Вирджинии широко раскрылись от удивления. — Триста лет я не знаю сна и чувствую себя бесконечно усталым!

Лицо Вирджинии затуманилось, губы ее задрожали, словно лепестки розы. Она подошла к привидению, опустила на колени и заглянула в его древнее, морщинистое лицо.

— Бедное, бедное привидение, — едва слышно проговорила она. — Неужели ты не знаешь такого места, где ты хотел бы уснуть?

— Далеко-далеко отсюда, там, за сосновым бором, — отвечал призрак тихим, мечтательным голосом, — есть маленький сад. Трава

там высокая и густая, там белеют цветы болиголова, подобные звездам, и всю ночь там поет соловей. Да, всю ночь не смолкая поет соловей, холодная хрустальная луна бесстрастно взирает вниз и могучий тис простирает над спящими свои исполинские ветви.

Глаза Вирджинии заволоклись слезами, и она спрятала в ладони лицо.

— Ты говоришь о Саде Смерти? — прошептала она.

— Да, я говорю о нем. Как, должно быть, прекрасна Смерть! Как хорошо лежать в мягкой, теплой земле, зная, что над тобой колышутся травы, и слушать вечную тишину. Как хорошо, что нет ни вчера, ни завтра, что можно забыть о ходе времени и навеки забыться, обретя наконец покой. Знаешь, ты мне можешь помочь. Ты можешь отворить для меня врата Храма Смерти, ибо с тобой Любовь, а Любовь ведь сильнее Смерти.

По телу Вирджинии прошла холодная дрожь, и некоторое время между ними царило молчание. Ей казалось, будто все это какой-то жуткий сон.

Потом снова заговорил призрак, и голос его звучал подобно вздохам ветра.

— Ты читала древнее пророчество, начертанное на окне библиотеки?

— О, много раз! — воскликнула девочка, поднимая на привидение глаза. — Я успела его выучить наизусть. Оно написано какими-то старинными причудливыми буквами, так что сразу их трудно прочесть. Там всего лишь шесть строчек:

**Когда по воле девственницы юной
Молитву вознесут уста Греха,
Когда миндаль засохший ночью лунной
Цветеньем буйным поразит сердца,
А малое дитя проронит тихо слезы,
Дабы они с души все скорби смыли,
Тогда настанет мир, уйдут из замка грозы
И снизойдет покой на Кентервиля.**

Только я не понимаю, что это значит.

— А это значит, — печально промолвил дух, — что ты должна оплакивать мои прегрешения, ибо у меня не осталось слез, и молиться за мою душу, ибо у меня не осталось веры. И тогда, если ты всегда будешь оставаться такой же доброй, чистой и кроткой, Ангел Смерти смилуется надо мной. Страшные видения будут преследовать тебя в темноте, злые голоса станут шептать тебе на ухо ужасные вещи, но они не причинят тебе никакого вреда, ибо все темные силы ада бессильны пред чистотою ребенка.

Вирджиния ничего не говорила в ответ, и призрак, глядя на ее склоненную златокудрую голову, принялся в отчаянии ломать руки. Вдруг девочка встала. Лицо ее было бледным, глаза как-то странно сияли.

— Я не боюсь, — сказала она решительно. — Я попрошу Ангела смиловаться над тобой.

Издав негромкое радостное восклицание, он поднялся на ноги, взял ее руку и, со старомодной грацией низко склонившись, поднес руку к губам и поцеловал. Пальцы его были холодными как лед, а губы жгли как огонь, но Вирджиния не отпрянула от него, и он повел ее за руку через весь полутемный зал. На поблекших от времени зеленых гобеленах были вышиты маленькие фигурки охотников. Они трубили в украшенные кисточками горны и махали Вирджинии крошечными руками, давая знак вернуться назад. «Вернись, маленькая Вирджиния, вернись!» — кричали они. Но призрак еще крепче сжал ее руку, и она, чтобы не видеть охотников, закрыла глаза. Пучеглазые чудовища с хвостом ящерицы подмигивали ей с резной каминной полки и негромко бормотали ей вслед: «Берегись, маленькая Вирджиния, берегись! Что если мы больше не увидим тебя?» Но дух несея вперед все быстрее, и Вирджиния не слушала их.

Когда они оказались в самом конце зала, он остановился и тихо произнес несколько непонятных ей слов. Она открыла глаза и увидела, как стена постепенно исчезает, словно рассеивающийся туман, а за ней зияет огромная черная пустота. Налетел порыв ледяного ветра, и она почувствовала, как ее дергают за платье.

— Скорее, скорее! — крикнул ей призрак. — Иначе будет слишком поздно.

Через мгновение стенная панель за ними сомкнулась, и в Гобеленовом зале никого не осталось.

Глава шестая

Когда десять минут спустя зазвонил колокольчик, приглашая всех к чаю, а Вирджиния в библиотеку не спустилась, миссис Оутис послала за ней одного из лакеев. Тот вскоре вернулся и заявил, что нигде разыскать ее не смог. Вирджиния имела обыкновение выходить каждый вечер в сад за цветами для обеденного стола, поэтому у миссис Оутис поначалу не возникло никаких опасений. Но когда пробило шесть, а Вирджиния так и не появилась, миссис Оутис начала волноваться всерьез и велела мальчикам искать сестру в парке, а сама вместе с мистером Оутисом принялась обшаривать весь дом, заходя в каждую комнату. В половине седьмого мальчики возвратились и сообщили, что никаких следов Вирджинии обнаружить им не удалось. Теперь беспокойство овладело всеми, но никто толком не знал, что делать, как вдруг мистер Оутис вспомнил, что несколько дней назад дал разрешение остановиться в поместье цыганскому табору. Взяв с собой старшего сына и двух работников, он, не теряя ни минуты, отправился в Блэкфельский лог, где, как он знал, и остановились цыгане. Юный герцог Чеширский, который не находил себе места от беспокойства, во что бы то ни стало хотел идти вместе с ними, но мистер Оутис, опасаясь, что дело может дойти до драки, не разрешил ему этого. Когда они добрались до Блэкфельского лога, цыган уже и след простыл, и, судя по тому, что костер еще не погас, а в траве валялись тарелки, они снялись с лагеря в страшной спешке. Отправив Вашингтона и работников продолжать поиски дальше, мистер Оутис поспешил домой, чтобы разослать полицейским инспекторам по всему графству телеграммы с просьбой помочь разыскать девочку, которую похитили бродяги или цыгане. Затем он распорядился, чтобы ему подали коня, и, уговорив жену и мальчиков пообедать, поскакал с грумом по Аскотской дороге. Но не успели они отъехать и двух миль, как услышали за собой стук копыт. Оглянувшись, мистер Оутис увидел, что их догоняет на своем пони юный герцог. Он был без шляпы, лицо его покраснелось.

— Прошу прощения, мистер Оутис, — произнес задыхаясь юноша, — но как я могу обедать, когда потерялась Вирджиния? Не

сердитесь, пожалуйста, на меня, но если бы в прошлом году вы согласились на нашу помолвку, ничего подобного не могло бы произойти. Вы не отошлете меня назад, ведь правда? Я не могу туда возвращаться! И я все равно не поеду назад!

Посланник не мог удержаться от улыбки, глядя на этого юного, привлекательного аристократа. Его очень трогало, что этот мальчик так предан Вирджинии, и он, перегнувшись к нему, ласково потрепал его по плечу.

— Что ж, Сесил, деваться некуда, — сказал он. — Раз вы решили не возвращаться, придется вас взять с собой, только надо будет купить вам в Аскоте шляпу.

— Мне не шляпа нужна! Мне нужна Вирджиния! — воскликнул, рассмеявшись, юный герцог, и они поскакали к железнодорожной станции.

Мистер Оутис спросил у начальника станции, не видел ли кто-нибудь на перроне девочку, похожую по описанию на Вирджинию, но тот ничего определенного ответить не мог. Все же он телеграфировал по всей линии и заверил мистера Оутиса, что они будут здесь на чеку и, в случае если им что-нибудь станет известно, сразу дадут ему знать. Купив юному герцогу шляпу в лавке торговца льняным товаром, который закрывал уже ставни, посланник со своей командой направился в деревню Бексли, примерно в четырех милях от станции, где, как ему сообщили, был большой общинный выпас и часто собирались цыгане. Там они разбудили сельского полисмена, но ничего от него не добились и, проехав по всему выпасу, повернули домой. До замка они добрались часам к одиннадцати, смертельно усталые и совершенно обескураженные. У домика привратника они увидели Вашингтона и близнецов, дожидавшихся их с фонарями, ибо под деревьями, обрамлявшими подъездную аллею, было темно, хоть глаз выколи. Увы, никаких обнадеживающих новостей здесь тоже не было: на след Вирджинии пока не удавалось напасть. Цыгане были настигнуты на Броклейских лугах, но девочки с ними не оказалось. Свой внезапный отъезд они объяснили тем, что боялись опоздать на Чортонскую ярмарку, так как перепутали день ее проведения. Цыгане и сами огорчились, узнав об исчезновении девочки, и четверо из них остались помогать в розысках: цыгане были признательны мистеру Оутису за то, что он позволил им остановиться в поместье. Был

прочесан с помощью драги сазановый пруд и обшарен каждый клочок земли в поместье, но безрезультатно. Становилось все более очевидным, что по крайней мере до следующего дня они Вирджинии не увидят. Мистер Оутис и мальчики возвращались в замок совершенно подавленные; за ними шел грум, ведя обеих лошадей и пони. В холле они увидели собравшихся кучкой перепуганных слуг, а в библиотеке на диване лежала бедная миссис Оутис, почти потерявшая рассудок от пережитых ею в этот страшный день волнений и ужасов; старая домоправительница то и дело смачивала ей одеколоном виски. Мистер Оутис принялся уговаривать жену хоть немного поесть и велел подать ужин для всех собравшихся в замке. Это была очень невеселая трапеза, проходившая в полном молчании, и даже близнецы сидели притихшие и подавленные: они очень любили свою сестру.

После ужина мистер Оутис, как ни упрашивал его юный герцог разрешить ему не ложиться, отправил всех спать, заявив, что этой ночью все равно уже ничего невозможно сделать, а утром он срочно вызовет по телеграфу сыщиков из Скотленд-Ярда. Как раз в тот момент, когда они выходили из столовой, часы на церковной башне начали гулко бить полночь, и при звуке последнего удара раздался вдруг громкий треск, кто-то пронзительно закричал, и весь дом сотрясся от оглушительного раската грома. А когда в воздухе зазвучала завораживающе прекрасная, неземная музыка, стенная панель на верху лестницы с громким шумом отвалилась, и на лестничную площадку выступила бледная как полотно Вирджиния, с маленькой шкатулкой в руках.

Все гурьбой ринулись к ней. Миссис Оутис крепко ее обняла, юный герцог осыпал ее пылкими поцелуями, а близнецы скакали вокруг нее в каком-то диком воинственном танце.

— О Боже, девочка моя! Где ты все это время пропадала? — спросил мистер Оутис, стараясь придать голосу строгие нотки, ибо полагал, что это был всего лишь глупый розыгрыш. — Мы с Сесилом объездили все вокруг, разыскивая тебя, а твоя мама чуть не умерла со страху. Никогда больше не шути так с нами!

— Шутить разрешается только с привидением! С при-ви-де-ни-ем! — громко скандировали близнецы, выделявая ногами все новые и новые антраша.

— Милая моя, родная, нашлась, слава Богу! — твердила миссис Оутис, целуя дрожащую дочь и разглаживая ее спутанные золотые локоны. — Никогда больше не оставляй меня так надолго!

— Папа, — проговорила Вирджиния негромким голосом, — я провела весь этот вечер с духом. Он умер, и вы должны пойти взглянуть на него. Он при жизни поступал очень дурно, но раскаялся в своих грехах и подарил мне на память эту шкатулку с драгоценностями.

Все глядели на нее в немом изумлении, но она говорила совершенно серьезно. Повернувшись, она повела их к отверстию в стенной панели, через которое они попали в узкий потайной коридор, по которому и направились дальше. Вашингтон с зажженной свечой, взятой им со стола, замыкал процессию. Спустя какое-то время они пришли к тяжелой, обитой ржавыми гвоздями дубовой двери на массивных петлях. Стоило Вирджинии коснуться двери, как та сразу же распахнулась, впуслав их в низенькую каморку со сводчатым потолком и очень маленьким зарешеченным окошком. К вмурованному в стену огромному железному кольцу был прикован цепью крайне изможденный скелет, распростертый во всю длину на каменном полу. Казалось, он пытается дотянуться своими длинными костлявыми пальцами до старинного блюда и кувшина, поставленных так, чтобы он их не мог достать. Кувшин, очевидно, был когда-то наполнен водой, если судить по остаткам зеленой плесени, покрывавшей его внутри. На блюде оставалась лишь горстка пыли. Вирджиния опустилась на колени возле скелета и, сложив вместе свои маленькие руки, начала беззвучно молиться, а остальные с изумлением взирали на все это, понимая, что перед ними открылась тайна произошедшей некогда ужасной трагедии.

— Смотрите! Смотрите! — внезапно воскликнул один из близнецов, который все это время заглядывал в окошко, чтобы попытаться определить, в какой части замка они находятся. — Расцвело сухое миндальное дерево! Я хорошо различаю цветы, потому что сегодня так ярко светит луна.

— Значит, Господь простил его! — торжественно произнесла Вирджиния, поднимаясь с колен, и всем стало казаться, что какое-то прекрасное сияние озарило ее лицо.

— Вы ангел! — воскликнул юный герцог, обнимая и целуя ее.

Глава седьмая

Через четыре дня после этих необыкновенных событий, где-то за час до полуночи, из Кентервильского замка выехал траурный кортеж. В катафалк было впряжено восемь черных лошадей, и у каждой на голове покачивался пышный султан из страусовых перьев; на свинцовый гроб был накинута богатый пурпурный покров с гербом Кентервильей, вытканном золотом. Рядом с катафалком и экипажами шествовали слуги с горящими факелами, и вся процессия производила необыкновенное впечатление. Самый близкий родственник умершего, лорд Кентервиль, специально прибывший на похороны из Уэльса, ехал вместе с маленькой Вирджинией в первой карете. За ними следовал посланник Соединенных Штатов с супругой, потом Вашингтон и три мальчика. Замыкала процессию карета, в которой сидела миссис Амни, — ни у кого не возникало сомнений, что, поскольку привидение пугало эту достойную особу более пятидесяти лет ее жизни, у нее есть все основания проводить его в последний путь.

Выйдя из карет, скорбящие подошли к глубокой могиле, вырытой в углу погоста, прямо под тисовым деревом, и преподобный Огастус Дэмпир с большим воодушевлением прочитал заупокойную молитву. Когда пастор умолк, слуги, по древнему обычаю рода Кентервильей, потушили свои факелы, а когда гроб стали опускать в могилу, Вирджиния приблизилась к нему и возложила на крышку большой крест, сплетенный из белых и розовых цветков миндаля. В этот момент из-за облака выплыла луна, заливая маленькое кладбище призрачным серебром, а в отдаленной роще запел соловей. Вирджиния вспомнила, как привидение описывало Сад Смерти, глаза ее наполнились слезами, и на всем обратном пути она не проронила ни слова.

На следующее утро, прежде чем лорд Кентервиль уехал в Лондон, мистер Оутис завел с ним разговор о драгоценностях, подаренных Вирджинии привидением. Они были великолепны, особенно рубиновое ожерелье в венецианской оправе — редкостный образец работы XVI века; их ценность была столь велика, что мистер Оутис считал невозможным позволить дочери их принять.

— Милорд, — сказал посланник, — я знаю, что в вашей стране «право мертвой руки»^[19] распространяется не только на земельную собственность, но и на фамильные драгоценности, и для меня является очевидным, что украшения, переданные моей дочерью, на самом деле принадлежат вашему роду или, во всяком случае, должны ему принадлежать. А поэтому я прошу вас забрать их с собой в Лондон и рассматривать их как часть по праву принадлежащего вам имущества, которая была возвращена законному владельцу, хотя и при несколько странных обстоятельствах. Что касается моей дочери, то она еще ребенок и пока что, слава Богу, мало интересуется такого рода дорогими безделушками. К тому же миссис Оутис сообщила мне, — а она, должен сказать, провела в юности несколько зим в Бостоне и неплохо разбирается в вопросах искусства, — что эти украшения имеют большую денежную ценность, и если бы были предложены для продажи, за них можно было бы получить солидную сумму. В этих обстоятельствах, лорд Кентервиль, я, как вы должны понимать, не могу допустить, чтобы они перешли к кому-нибудь из членов моей семьи. Да и вообще такого рода безделушки, какими бы уместными или необходимыми, с точки зрения поддержания престижа, они ни казались в глазах британской аристократии, совершенно ни к чему тем, кто воспитан в строгих и, я бы сказал, непоколебимых республиканских принципах простоты. Впрочем, не стану скрывать, что Вирджиния была бы счастлива, если бы вы позволили ей сохранить саму шкатулку в память о вашем несчастном заблудшем предке. Поскольку вещь эта старая и достаточно ветхая, вы, быть может, и в самом деле найдете возможным исполнить ее просьбу. Я же со своей стороны должен признаться, что крайне удивлен интересом моей дочери к чему-либо средневековому и могу объяснить это лишь тем, что Вирджиния родилась в одном из пригородов Лондона вскоре после того, как миссис Оутис возвратилась из поездки в Афины.

Лорд Кентервиль выслушал речь почтенного посланника с величайшим вниманием и лишь изредка подергивал себя за седые усы, чтобы скрыть невольную улыбку. Когда мистер Оутис закончил, он крепко пожал ему руку и сказал:

— Дорогой мистер Оутис, ваша прелестная дочь оказала моему несчастному предку, сэру Саймону, поистине неоценимую услугу, и я, как и все мои родственники, чрезвычайно признателен ей за это и

восхищен ее поразительной отвагой и самоотверженностью. Драгоценности по праву принадлежат только ей, и если бы я забрал их у нее, то, ей-Богу, я проявил бы такое бессердечие, что через каких-нибудь пару недель старый грешник непременно вышел бы из могилы и не давал бы мне покоя до конца дней моих. Что же до того, являются ли эти драгоценности фамильными, то их, несомненно, нельзя считать таковыми, поскольку среди них нет ни одного предмета, который был бы упомянут в завещании или ином юридическом документе, и об их существовании до сих пор не было известно. Уверяю вас, у меня на них столько же прав, сколько, например, у вашего дворецкого, и я не сомневаюсь, что, когда мисс Вирджиния станет взрослой, она с удовольствием их будет носить. К тому же вы забываете, мистер Оутис, что купили замок вместе с мебелью и привидением, а стало быть, все, что принадлежало привидению, автоматически стало вашей собственностью — ведь, хотя сэр Саймон и проявлял по ночам некоторую активность, с точки зрения закона он считается мертвым, а значит, покупая поместье, вы приобрели также и всю его личную собственность.

Мистера Оутиса немало огорчил отказ лорда Кентервиля принять драгоценности, и он просил его изменить свое решение, но благородный пэр был тверд и в конце концов уговорил посланника позволить дочери оставить подарок, сделанный привидением. Когда весной 1890 года молодую герцогиню Чеширскую представляли по случаю ее бракосочетания самой королеве, ее драгоценности вызвали всеобщее восхищение. Да, да, герцогиня Чеширская это и есть наша маленькая Вирджиния, ибо она, выйдя замуж за своего юного поклонника, едва он достиг совершеннолетия, стала герцогиней и получила герцогскую корону — награду, которую получают за образцовое поведение все американские девочки. Вирджиния и юный герцог были так очаровательны и так влюблены друг в друга, что их союз привел всех в восторг, за исключением старой маркизы Дамблтон, которая пыталась пристроить за герцога одну из своих семи незамужних дочерей и дала с этой целью целых три дорогих званых обеда, а также, как ни странно, самого мистера Оутиса. При всей своей личной привязанности к молодому герцогу, он теоретически был против титулов и в данном случае, если привести его собственные слова, «опасался, как бы из-за расслабляющего влияния приверженной

наслаждениям аристократии не были бы забыты незыблемые принципы республиканской простоты». Но в конце концов его удалось убедить в обоснованности его опасений, и когда он вел свою дочь к алтарю церкви святого Георгия, что на Гановер-сквер, то, мне кажется, вряд ли во всей Англии можно было бы сыскать человека счастливее его.

По окончании медового месяца герцог и герцогиня отправились в Кентервильский замок и на второй день пребывания там посетили заброшенное кладбище близ соснового бора. Им долго не удавалось придумать эпитафию для надгробия сэра Саймона, и в конце концов они решили ограничиться его инициалами, а также стихами, начертанными на окне библиотеки. Герцогиня принесла с собой свежие розы и усыпала ими могилу. Немного постояв над местом вечного упокоения Кентервильского привидения, они направились к полуразрушенной старинной церквушке. Герцогиня присела на упавшую колонну, а ее молодой супруг расположился у ее ног. Он курил и молча любовался ее прекрасными глазами. Вдруг он выбросил недокуренную папиросу, взял ее за руку и сказал:

— Вирджиния, у жены не должно быть секретов от мужа.

— У меня нет от тебя секретов, дорогой Сесил.

— А вот и есть, — ответил он улыбаясь. — Ты ведь никогда не рассказывала мне, что случилось, когда вы заперлись вдвоем с привидением.

— Я никому этого не рассказывала, Сесил, — сказала Вирджиния, посерьезнев.

— Знаю, но мне ты могла бы рассказать.

— Ну пожалуйста, Сесил, не надо меня просить, я не могу этого рассказывать. Бедный сэр Саймон! Я стольким ему обязана! Не смейся, Сесил, это действительно так. Он открыл для меня, что есть Жизнь, и что есть Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти.

Герцог встал и нежно поцеловал жену.

— Что ж, пусть эта тайна будет твоей, лишь бы твое сердце было моим, — прошептал он ей на ухо.

— Оно всегда было твоим, Сесил.

— Но ведь нашим детям ты расскажешь когда-нибудь?

Вирджиния покраснела.

---

notes

Примечания

1

Ньюпорт — в прошлом модный курорт в штате Род-Айленд.

Котильон — сложный фигурный танец для нескольких пар, из которых первая пара — ведущая.

«Звездно-полосатый» — название государственного флага США.

Английские ученые *Ф. Майерс* (1843—1901) и *Э. Подмор* (1856—1910) способствовали созданию Общества парапсихологических исследований и в соавторстве написали книгу «Духи живых людей» (1886).

Уильям Уайти Галл (1816—1890) — известный английский невропатолог.

Крокфордз — игорный дом в Лондоне.

Одно из направлений в американской протестантской церкви, отличающееся упрощенными религиозными обрядами и не признающее иерархии священнослужителей.

Имеется в виду Елизавета I (1533—1603).

Шантеклер — имя петуха в памятнике средневекового эпоса «Роман о Ренаре». Далее в тексте это возвышенное название юмористически противопоставляется обыденному названию «петух» и даже уничижительным словам «жалкая птица».

Гретна-Грин — пограничная с Англией шотландская деревня, где ранее заключались браки между приезжавшими из Англии молодыми парами; в Гретна-Грин бракосочетание совершалось без соблюдения установленных английским законом формальностей, а учитывалось лишь желание жениха и невесты стать мужем и женой.

Тенбридж-Уэллс — курортный городок с минеральными источниками к югу от Лондона.

Аркебуза (или аркебуз) — старинное фитильное ружье, заряжаемое с дула.

Наполеон Сарони (1821—1896) — американский фотограф, литограф и художник.

Лакросс — канадская национальная игра в мяч, распространенная также и в США.

Юкер — карточная игра.

Вторым браком ($\phi p.$).

Бенедиктинцы — католический монашеский орден, основанный в начале VI века.

Брыжи — воротник или выпуск на груди в виде оборок.

«Право мертвой руки» — неотчуждаемое право владеть недвижимостью.